

те») или для выражения действия, вытекающего из контекста («вот он и идет, открывая дверь»). Как мы видели, в западно- и южнославянских языках такие употребления практически исключены, а в русском, украинском и белорусском вполне естественны.

В целом ситуация с относительной вежливостью видовых форм в императиве представлена в двух таблицах на с. 186. При конкуренции СВ и НСВ вторая форма всегда более фамильярна. В восточнославянских языках эта фамильярность оценивается положительно (форма считается более вежливой), если действие выгодно для исполнителя, и отрицательно (считается менее вежливой) – если действие исполнителю невыгодно. В южно- и западнославянских языках, за некоторыми исключениями в польском и болгарском, фамильярность всегда оценивается отрицательно, и, соответственно, НСВ в императиве либо невежлив, либо вовсе невозможен.

Разумеется, трудно удержаться здесь от упоминания хорошо известной большей «контактности» русской культуры по сравнению с западноевропейской, и Р. Бенаккьо говорит об этом. Отметим, выходя за пределы аспектологии, что и сами по себе формы императива во многих западноевропейских языках (а также многих других) избегаются или сопровождаются смягчающими частицами (см., например, [Fortuin 2000: 96] о нидерландском языке в сопоставлении с русским). В пользу этого предположения говорят, по-видимому, и исторические данные греческого языка, а также сохранившиеся в южно- и западнославянских диалектах следы употребления НСВ восточнославянского типа.

Рецензируемая работа, как мы видели, решает старую проблему аспектологии, выходя за пределы собственно аспектологической те-

матики, привлекая прагматику и, в частности, принципы речевого общения, и далее переходит от узко лингвистических проблем к вопросам различия культур и их исторических изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюлин 1994 – Л.А. Бирюлин. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994. (Slavica Helsingiensia 13.)
- Бирюлин, Храковский 1992 – Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Падучева 1992 – Е.В. Падучева. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Рассудова 1982 – О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
- Brown, Levinson 1987 – P. Brown, S.C. Levinson. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Fortuin 2000 – E.L.J. Fortuin. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian. Amsterdam, 2000.
- Leech 1983 – G.N. Leech. Principles of pragmatics. London; New York, 1983.

В.Ю. Гусев

Сведения об авторе:

Валентин Юрьевич Гусев
Институт языкознания РАН

F. Kortlandt. Baltica & Balto-Slavica. Amsterdam: Rodopi, 2009. 440 p. (Leiden studies in Indo-European 16)

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей известного нидерландского языковеда Фредерика Кортландта, опубликованных им в разных изданиях в течение нескольких последних десятилетий. Она состоит из трех тематических разделов: «Фонология», «Морфология» и «Прусский язык». Ввиду разнообразия тем и широты обсуждаемого материала мы ниже ограничимся разбором лишь наиболее важных, с нашей точки зрения, идей автора.

Первые два раздела посвящены в основном вопросам балтославянской и балтийской реконструкции с упором на относительную

хронологию языковых изменений, что вообще характерно для работ Кортландта. Являясь сторонником гипотезы балтославянского единства, он разделяет изучаемый период на следующие этапы: (1) индоевропейский диалектный континуум; (2) балтославянский язык; (3) праславянский и восточнобалтийский языки (с. 46). Древнепрусский язык, по мнению автора, развивался независимо от восточнобалтийского после отделения от них праславянского языка (с. 5). Кортландт реконструирует изменения на каждом из этих этапов для объяснения засвидетельствованных фактов истории балтийских и славянских языков (в том числе

и в области акцентологии). Его относительная хронология выстраивается как строгий набор последовательных «законов». Все, кто знаком с работами Кортландта, отмечают особую – почти математическую – строгость и аккуратность его построений. В них четко разделяются фонетические и аналогические изменения, причем последние трактуются не как случайные явления, а как системные правила, полноценно участвующие в языковой эволюции. Приведем пример. Главным вопросом в балтославянской акцентологической реконструкции традиционно является происхождение подвижности ударения. Для его объяснения Кортландт прибегает к восстановлению целой серии изменений (с. 3–4):

(1) «Потеря праиндоевропейской подвижности ударения»: Кортландт не видит «следов праиндоевропейской подвижности за пределами именного склонения основ на согласные». На данной стадии, по Кортландту, ударение в именах с основами на гласные всегда колонно.

(2) «Закон Педерсена» (изначально предложенный де Соссюром): «иктус оттянулся с внутренних ударных слогов в подвижных парадигмах, например литов. *dūkterī, piemenī*, ср. греч. *θυγάτρα, ποιμένα*» (без оттяжки). Этот закон не является в полной мере фонетическим (несмотря на усовершенствование Педерсена, объяснившего оттяжку контрастом начального и конечного ударения) и относится только к многосложным основам на согласные (т. к. все прочие основы к этому времени уже неподвижны).

(3) «Баритонеза»: оттяжка аналогически распространилась на те же падежи основ на гласные, дав такие формы, как литов. *āvī, sūni, diēva, žiēma*.

(4) «Окситонеза»: «иктус сдвинулся с внутреннего ударного слога на конец в парадигмах с конечноударными формами» (закон предложен Эбелингом для славянского). Это объясняет формы типа *sūnumi, žietomis*.

(5) «Закон Эбелинга»: «иктус оттянулся еще в ряде случаев, например литов. род. ед. *vilko*, дат. ед. *vilkui, gálvai*, 3 ед. *nėša, nėšė*, серб.-хорв. *vūka, vūku, glāvi, pīlo*, аор. *něse*». Эти оттяжки, описанные, но не вполне объясненные Эбелингом, Кортландт трактует фонетически: «в двухсложных словоформах ударение оттянулось с конечного краткого или циркумфлексового гласного или дифтонга, если предыдущий слог не был закрыт шумным согласным». Это произошло, когда ларингалы еще были «обычными согласными», что объясняет конечные ударения типа *galvā < *golHuaH* и др. Наличием шумного объясняется и неоттянутое ударение в русск. *несло*.

Таким образом, по Кортландту, в формировании подвижности ударения в тематических основах участвовали три закона: «баритонеза» (аналогический), «окситонеза» (?) и «закон Эбелинга» (фонетический). Нельзя не обратить внимания на большую сложность этой реконструкции. Понятно, что речь идет о языковых состояниях чрезвычайной древности и любая реконструкция такого уровня неизбежно в той или иной степени умозрительна. Но именно поэтому такая многоступенчатость представляется искусственной. Ведь предлагаемый автором путь развития не является единственно возможным, а одни его недоказуемые предположения влекут за собой другие. Укажем на некоторые нестыковки в авторской концепции хронологии балтославянского ударения.

Сразу отметим, что нас удивляет сама постановка вопроса о «потере праиндоевропейской подвижности», как будто автору известно, какой именно была «праиндоевропейская подвижность», чьи следы можно или нельзя усмотреть в засвидетельствованных языках-потомках. По-видимому, имеется в виду, что индоевропейское подвижное ударение было связано исключительно с апофоническими чередованиями, которые, исчезнув в основах на гласные, свели на нет и подвижность. Это представление не кажется обоснованным, т. к., по нашему мнению, зиждется не на реконструкции, а на экстраполяции древнеиндийских и греческих данных. Таким образом, уже сама отправная точка реконструкции спорна. Остальные же пункты имеют смысл только по ее безоговорочному принятию¹. Дальнейшие реконструируемые автором изменения – «баритонеза» и «окситонеза» – тоже не представляются достоверными (и тем более доказуемыми), поскольку предполагают массовое действие аналогии маленькой группы многосложных основ на согласные на огромный массив основ на гласные. Что касается «закона Эбелинга», то он не объясняет ударения в многосложных словах: если ударение *valandā*, вин. *vālandā* (а. п. 3^b) предсказывается верно («баритонезой»), то объяснения ударения *vākaras*, род. *vākaro* (а. п. 3^b) мы в книге не нашли.

Впрочем, Кортландт не настаивает на единственности своей реконструкции, а предлагает «вариант, могущий быть приемлемым для наших коллег-младограмматиков» (с. 103). В этом «младограмматическом» варианте (статья относится к 2008 г.) «нет необходимости предполагать, что индоевропейская подвижность ударения была утрачена на ранней стадии».

¹ Впрочем, как представляется, для многих исследователей этот вопрос является делом принципа, ср. [Ослон 2010].

Что касается «баритонезы», то часть тематических имен (*āvi, sūnu*) сохранила – в этом варианте реконструкции – древнее накоренное ударение, часть (*žīēma*) продолжает старые имена с основами на согласные (**g^heim*), а в части (в основах на *-o-*: *diēva*, которые «с самого начала» имели колонное ударение, ср. др.-инд. *devām*) все-таки прошла оттяжка по «баритонезе». Подобные уступки автор делает и по вопросу «окситонезы». Говоря об оттяжке с предпоследнего слога в словах типа литов. *dūkeri* («закон Педерсена»), о недоказуемости фонетической природы которой писал сам Педерсен, Кортландт сообщает, что возможно и фонетическое решение (с. 105). Это достигается за счет очень непростых построений:

(1) Метатония акут ⇨ циркумфлекс в словах среднего рода перед суффиксами вида *-*CCo-*, которые в литовском относятся к а. п. 2, а в славянском к а. п. b., ср. *aūkštas, tiñklas*, пол. *ządło*, «очевидно, возникла из восточнобалтийской оттяжки ударения с конечного *-*à*. Это и есть объяснение “доминантных” суффиксов Дыбо с сопутствующей метатонией на предыдущем слоге» (с. 106). Слова среднего рода перешли затем в женский или мужской. Таким образом, согласно автору, в этих суффиксальных образованиях ударение исконно стояло на конце².

(2) Кроме таких «доминантных» (в кавычках) суффиксов, продолжает автор, существуют еще и «доминантные» суффиксы второго класса, например литов. *-ybė, -ystė*, в которых «ударение оттянуто с *i перед гласным»³.

(3) Третий класс «доминантных» суффиксов связан с законом Хирта, примеры: литов. *taikūotas, kraujūotas*, русск. *женáтый, блудница, травина*⁴.

(4) Поскольку, по мысли автора, перечисленные три класса «доминантных» суффиксов

² В рамках концепции московской акцентологической школы (Дыбо, Николаев и др.) эта метатония происходит в рецессивных (слабых) слогах перед доминантными (сильными) и никак не связана с сегментным видом окончания [Николаев 1989]. Доминантность и рецессивность по Дыбо – это свойства, внутренне присущие морфемам и влияющие на место ударения в слове: иктус в балтославянском ставился на первой доминантной морфеме словоформы [Дыбо 1981: 261].

³ По Дыбо и Николаеву, такие суффиксы «вторично доминантны»: второй слог вызвал метатонию в первом.

⁴ Закон Хирта (в балтославянском) заключается в оттяжке ударения на неапофоническую долготу. По Дыбо и Николаеву, слоги, получившие ударение по закону Хирта, являются вторично доминантными.

связаны исключительно с оттяжками, а следовательно, все образования с ними возводимы к конечноударным, то в эпоху, когда ударение в них еще стояло на конце (и когда, надо полагать, единственными формами со срединным ударением были предки форм типа *dūkeri*), устранение срединного ударения («закон Педерсена») вполне могло быть фонетическим.

Прокомментируем. Очевидно, что отнесение к некогда среднему роду всех имен с доминантными суффиксами без *i – совершенно произвольно и нужно лишь для подгонки фактов под сомнительную теорию об оттяжке с ударного *-à*. Утверждение, что все доминантные суффиксы получились из оттяжки с окончания, вряд ли верно ввиду наличия в балтославянском контурного правила, согласно которому ударение ставится на первой (а не на последней!) доминантной морфеме [Дыбо 1981: 261]. Насколько нам известно, Кортландт нигде не упоминает об этом контурном правиле.

Среди примеров на закон Хирта приводится русск. *женáтый*. Кажется, Кортландт восстанавливает в нем наконецное ударение типа *-*aHt-òs*, не принимая во внимание, что производящее *žend относится к а. п. b. Значит, он вообще не признает упомянутого контурного правила. Тогда совершенно непонятно, как он объясняет накоренное ударение при доминантных суффиксах, ср. ст.-литов. (Даукша) *aūksinikas, viētīnikas, svėikata, brangesnis*, ст.-хорв. (Крижанич) *брéзина, стáрица, зéрнаст* и мн. др. [Дыбо 2008].

При этом надо признать, что доминантный циркумфлекс действительно часто наблюдается в сложных суффиксах с *i во второй части, а доминантный акут – в суффиксах, могших участвовать в оттяжке по закону Хирта, так что, если не обращать внимания на большие натяжки в реконструкции Кортландтом среднего рода, в целом набор доминантных суффиксов его теория предсказывает верно. И все-таки непонятно, какой же из приведенных реконструкций придерживается автор. Настаивает он на «потере праиндоевропейской подвижности ударения» или нет? Из рецензируемой книги выяснить это невозможно, в связи с чем еще больше удручает чрезвычайная «точность» авторских праформ и хронологий. И здесь возникает вопрос общего характера: в чем задача языковой реконструкции и чем измеряется ее точность (и оправдывается строгость)? Не ограничиваясь заветом Мейе насчет «простой констатации соответствий» и стараясь все-таки восстановить некоторую языковую действительность, можно ли заходить так далеко, как это делает Кортландт, не рискуя увлечься фантазиями?

В целом балтославянская реконструкция Кортландта представляется неоправданно сложной и требует признания большого числа различных аналогий, двойных и тройных переходов, совершенно произвольных предположений, чем заметно подрывается ее достоверность. Во многих случаях крайне смелые гипотезы выдвигаются исключительно для уточнения сугубо внутренней реконструкции, имеющей к засвидетельствованному материалу более чем косвенное отношение. Таким образом, метод Кортландта, невзирая на присущую ему строгость и логичность, можно, на наш взгляд, назвать телеологическим.

Третий – самый большой, занимающий почти половину книги (с. 189–370) раздел сборника составляют статьи, посвященные пруссистику. Он состоит из четырех тематических глав, в каждой из которых, соответственно, обсуждаются принципы филологического анализа письменных источников, проблемы фонологии и морфологии, а также приводятся транскрипции главных прусских текстов.

Важным вкладом Кортландта в пруссистику является проведенный им на основании подстрочного сравнения тождественных фрагментов всех трех катехизисов тщательный анализ орфографии прусских текстов (с. 195–211). Этот анализ позволил ему обнаружить ряд последовательных соответствий между тремя различными орфографическими системами. Автор утверждает, что орфография источников значительно более последовательна, чем принято думать. Можно принять его предположение, что за тремя различными орфографическими системами на самом деле кроются три различные, самостоятельно функционирующие языковые системы (например, три диалекта). Вряд ли, однако, верно, что эти три варианта отражают три хронологические ступени развития: язык I катехизиса якобы наиболее архаичен, язык Энхиридиона – наиболее продвинут, а язык II катехизиса занимает промежуточное положение. Впрочем, как замечает автор, было бы наивно думать, что в текстах запечатлены различные этапы развития одного диалекта (I и II катехизисы напечатаны в одном году). Из этого следует, что одновременно сосуществовали три диалекта, на всех без исключения языковых уровнях представляющие разные ступени развития. Такой взгляд кажется нам искусственным. Почему, например, в самом прогрессивном говоре не могли сохраниться хоть несколько архаизмов, в свою очередь утраченных в более архаичном?

Во-первых, Кортландт не учитывает того, что катехизисы написаны тремя различными авторами, каждый из которых мог по-своему, т. е. иначе, чем другие авторы, но в рамках своего

текста довольно последовательно, обозначать одни и те же звуки. Например, нет достаточных оснований полагать, что в языке II катехизиса имелся дифтонг [ie] как промежуточное звено в развитии I [ē] > III [ī], ср. I *turrettwey*, II *turryetwey*, III *turrītwei*. Буквами <ye>, <yie> и даже <y> автор II катехизиса мог обозначать тот же звук [ī], который автор Энхиридиона обозначал <ī>, <i>, <ij> (буква <e> здесь является обычным в нижненемецкой орфографии того времени знаком долготы гласного, ср. еще II *daeczt*, III *dāts* и т. п.). Только отчасти можно принять эволюцию *ī > I, II [ei] > III [ī] и I [ū] > II, III [ou], поскольку для дифтонга *ou* она предполагает двойное изменение: сначала дифтонгизацию, потом обратную монофтонгизацию, что представляется искусственным ввиду хронологических соображений.

Распределение <ei> и <ī> в источниках на самом деле не так последовательно, как утверждает автор. Он не комментирует, почему оба варианта – как дифтонг, так и монофтонг – встречаются, например, во II катехизисе, ср. *steweyden* II 13₁₀ и *stewidan* II 15₁. Наличие обоих вариантов в Энхиридионе он пытается объяснить неодинаковой архаичностью различных частей текста, что, по нашему мнению, недостаточно убедительно. Впрочем, если оставить в стороне хронологическую интерпретацию фактов, обоснованный Кортландтом принцип автономии трех катехизисов (а также отдельных частей Энхиридиона) безусловно ценен для пруссистики и должен впредь серьезно учитываться.

Кроме катехизисов, немало внимания автор уделяет и языку мелких памятников прусского языка – Базельского эпитафия и пословицы *Dewes does dantes*, *Dewes does geitka* (с. 215–222). В числе прочего Кортландт предлагает метрическую интерпретацию текста (изосиллабический принцип), уточняющий прочтение неясных фрагментов (например, *thoneaw* = *tu ni jau), словообразовательный анализ слова *labonache* (суффикс *-ān-, ср. литов. *geltónas*), а также высказывает мнение, что автор Базельского эпитафия должен был быть немцем, только записавшим слова, произнесенные коллегой-пруссом. Особого внимания заслуживают подкрепляющие последнюю мысль рассуждения насчет происхождения парагогического *e* в словах *rekyse*, *labonache*, *thewelyse*: это явление Кортландт объясняет тем, что автор текста был носителем одного из верхненемецких говоров, апокопирующих конец слова, и стремился в письменных текстах всегда восстанавливать апокопированные гласные, что вело к появлению гипернормализмов.

Главным открытием Кортландта в области прусской фонологии, без сомнения, следует

считать сформулированный им закон сдвига ударения с краткого слога на следующий слог, в литературе названный «законом Кортландта», а также орфографическое правило, согласно которому ударение в текстах прусских катехизисов обозначалось удвоением предударных согласных (с. 241–254). Сам Кортландт строго различает свой закон и орфографическое правило и подчеркивает, что эти два явления он открыл независимо друг от друга, на основании совершенно разных доводов: закон основан на сравнительном методе, а орфографическое правило – на внутреннем анализе орфографии источников. Следовательно, и их критика возможна только в таком же строго дифференцированном виде. Заметим, что доводы, приводимые для обоснования орфографического правила (обилие таких форм, как *semmē*, *weddē*, *billūt*, *seggīt* и т. п.; смешение букв *e* и *a* в предударном слоге; отношение прусск. *kadden*, *dabber* к литов. *kadà*, *dabař*), в действительности лишь опровергают теорию некоторых прежних авторов, будто удвоением согласных обозначалась ударность предшествующего слога. Однако это вовсе не доказывает, что согласные буквы во всех случаях удваивались *перед* ударным слогом. Например, редукция гласного /*al*/, которую отражает смешение букв <*e*> и <*a*>, как замечает сам Кортландт (с. 245), одинаково возможна не только в предударном, но и заударном слоге, ср. *ainawijdei* : *ainawīdai*. Считая обсуждаемое орфографическое правило недостаточно доказанным и стараясь не путать его с законом сдвига ударения (Кортландт упрекает своих критиков в смешении этих двух явлений в одно), приходится с неизбежностью признать, что доводов для безоговорочного принятия этого закона (т. е. слов, где ударный долгий гласный был бы обозначен чертой над буквой в Энхиридионе и которые отличались бы ударением от соответствий в родственных языках) недостаточно. Поэтому и имеющиеся несоответствия в ударении между прусскими и иноязычными словами, на наш взгляд, рациональнее объяснять не фонетическим законом, а принадлежностью слов к разным акцентным парадигмам. Например, конечное ударение в слове *semmē*, не совпадающее с накоренным ударением в литов. *žėtė* (а. п. 2), можно объяснить подвижной акцентуацией прусского слова – как, между прочим, и славянского **zemljā* (а. п. с) (совершенно независимо от того, считать ли прусско-славянское соответствие архаизмом или новшеством). За более детальной критикой орфографического правила и закона Кортландта мы отсылаем читателя к работам [Young 1999; Rinkevičius 2009: 76–78, 89–92].

Нам кажется, что иногда автор преувеличивает значение внутренней реконструкции.

Необоснованна, например, попытка доказать апофонию в окончаниях настоящего времени ряда глаголов, ср. 3 ед. **turei* : 3 мн. **turi* (с тенденцией к обобщению второго варианта для обоих чисел) (с. 277 и далее). Оба графических варианта окончания встречаются в формах как единственного, так и множественного числа (3 ед. *turri* 18 раз, *turei* 8 раз, *turrei* 1 раз : 3 мн. *turri* 10 раз, *turei* 1 раз, *ture* 1 раз), а преобладание варианта с удвоением в ед. ч. отчасти обусловлено большей частотностью форм ед. ч. в тексте (если оно не случайно). Автор чрезмерно полагается на орфографию и при классификации форм настоящего времени глаголов. Так, с нашей точки зрения, нет необходимости объединять в один класс все формы с окончанием 1 мн. *-imai* и утверждать, что оно вытеснило другие окончания (например, тематическое *-amai*, ср. 3 ед. *imma* : 1 мн. *immimai*, с. 276). На самом деле буква <*i*> во многих случаях может просто отражать редукцию гласного. Подобные замечания можно высказать по целому ряду авторских реконструкций.

Положительной чертой работ Кортландта по прусскому языку является его внимание к деталям. Он тщательно фиксирует и обсуждает все примеры из текстов, подтверждающие или опровергающие то или иное его утверждение, а в случае противоречия каждому из таких примеров находит всякий раз новое объяснение. С одной стороны, такая скрупулезность вытекает из характера прусских текстов (большое разнообразие вариантов при сравнительно малом количестве данных). С другой стороны, она связана с непохвальной, с нашей точки зрения, особенностью методики автора не столько обосновывать гипотезу подтверждающими ее примерами, сколько искать объяснения всем противоречащим ей исключениям. Многие из таких объяснений недоказуемы и подходят только для конкретного случая. Так, явно натянуты объяснения, согласно которым кака-либо форма попала в источник «из более древнего текста» (ср. случай *prei issprestun dāst*, не соответствующий предполагаемому распределению инфинитивов на *-tun* и *-twei*, с. 271). Конечно, некоторые (теоретически даже все) такие объяснения могут оказаться верными. Однако обилие исключений, каковых порой больше, чем примеров в пользу той или иной гипотезы, а также недоказуемость предлагаемых объяснений не способствуют убедительности выдвигаемых автором положений.

Рецензируемая книга с трудом поддается общей оценке из-за своей неоднородности. Конечно, чрезвычайно приятно, что работы выдающегося балтослависта Ф. Кортландта объединены в сборник, так что наконец можно ознакомиться с его важнейшими достиже-

ниями в данной области, не выходя за рамки этой пусть и объемной, но одной книги, снабженной прекрасным указателем словоформ и библиографией. С другой стороны, многие его идеи повторяются в нескольких местах, порой с изменениями, а конкретные его положения иногда все-таки, кажется, трудно понять в отрыве от остальных его работ (только в библиографии их 260). Не способствует легкости усвоения и характерная лапидарность и категоричность автора, однако многие, кто знаком с его трудами, вероятно, могут усмотреть в этих чертах его стиля особую привлекательность. В целом книга Кортландта, хотя и не содержит новых работ, представляет собой несомненно крупный вклад в развитие балтославянской и балтийской реконструкции, а также является ценным пособием по пруссистику (правда, явно не для начинающих). Научная ценность изложенных в книге идей (многие из которых мы считаем спорными) не подлежит сомнению, а прекрасное издание заметно облегчает знакомство с ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дыбо 1981 – *В.А. Дыбо*. Славянская акцентология. М., 1981.

Ф.И. Рожанский. Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с. ISBN 978-5-9551-0454-6.

В течение последних 10–15 лет Федор Иванович Рожанский периодически выступал в печати со статьями, посвященными типологически ориентированному описанию редупликации. Рецензируемая монография является ожидаемым итогом этих исследований, не только удобным для читателя (которому теперь нет необходимости искать отдельные публикации), но и позволяющим яснее увидеть результат.

Книга состоит из двух частей: теоретической и описательной. В первой части вводится используемая в работе терминология (определение редупликации и классификация ее разновидностей) и анализируются языковые функции редупликации (в основном на материале языков Западной Африки). Первая часть содержит также анализ понятия иконизма применительно к редупликации, места редупликации в общей системе (и в общей модели) языка и один относительно частный сюжет (развитие геминации в отрицательных местоимениях одного водского говора). Во второй части работы описывается редупликация в семи различных языках (пяти африканских, а также хакасском и марийском), каждому из которых посвящена отдельная небольшая глава.

Дыбо 2008 – *В.А. Дыбо*. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском праязыке и балто-славянская метатония // Славянское языкознание. XIV Международного съезда славистов. М., 2008.

Николаев 1989 – *С.Н. Николаев*. Балто-славянская акцентуация и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

Ослон 2010 – *М.В. Ослон*. [Рец. на:] *T. Olander*. Balto-Slavic accentual mobility. Berlin; New York, 2009 // ВЯ. 2010. № 2.

Rinkevičius 2009 – *V. Rinkevičius*. Prūsų kalbos kirčiavimo sistema. Daktaro disertacija. Vilnius, 2009.

Young 1999 – *S. Young*. «Kortlandt's hypothesis» and Old Prussian stress // Baltistica XXXIV (1). Vilnius, 1999.

М.В. Ослон, В. Ринкявичюс

Сведения об авторах:

Михаил Владимирович Ослон
Институт славяноведения РАН
neoakut@gmail.com
Vytautas Rinkevičius
Vilniaus universitetas
vytautas.rinkevicius@flf.vu.lt

За последние 30 лет появилось огромное количество англоязычных работ по редупликации. Как справедливо отмечает Ф.И. Рожанский (с. 13), эти исследования были посвящены преимущественно формальной стороне грамматической редупликации, тогда как функции и семантика редупликации, а также границы этого явления обсуждались сравнительно мало. Логично, что именно этим, сравнительно непопулярным, темам было уделено особое внимание в монографии. Но следует предупредить потенциального читателя, что данная монография не является теоретическим введением в изучение редупликации, она не содержит – даже реферативно – обзора существующих находок и проблем. Исследование Рожанского основано не столько на чтении специальных статей, сколько на трудоемком извлечении материала из словарей нескольких африканских языков и на опросе носителей. Теоретический инструментальный монографии ориентирован на удобство работы с конкретным использованным материалом. Практическая польза такого подхода очевидна; но в нашей рецензии мы остановимся и на том, какие теоретические проблемы при этом игнорируются.